

Тридцатилетняя война глазами солдата-наемника

Научный руководитель – Прокопьев Андрей Юрьевич

Матвеев Дмитрий Сергеевич

Студент (бакалавр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: dmatwey@yandex.ru

Историю войн далекого прошлого привычно рассматривают через представления военачальников, высшего офицерского состава, интеллигенции, и, иногда, гражданского населения. Причина этого в том, что большинство эго-документов о военных действиях принадлежат их перу. Не обошла такая ситуация стороной и Тридцатилетнюю войну [3]. Тем не менее, в последние десятилетия историки делают все больше усилий, чтобы понять логику и намерения рядовых создателей трагических страниц истории - солдат[1].

В 1988г. профессор Йен Петерс обнаружил в Берлинском государственном архиве рукопись, написанную солдатом-наемником и описывающую его жизнь на протяжении 20 лет войны. Так как работа была анонимна, то в первую очередь была проведена работа по установлению имени автора: им оказался сын мельника из городка близ Магдебурга Петер Хагендорф[2].

Изучение этой находки позволило более конкретно заговорить о психологии и жизни солдат-наемников эпохи Тридцатилетней войны. Первые исследования, проведенные Петерсом и его учениками, позволили создать картину повседневной жизни и ближайшего окружения наемника.

Не менее перспективным представляется изучение психологии Хагендорфа, мотивов его участия в войне, а также его личного представления войны.

Во-первых, в своих мемуарах Петер Хагендорф в принципе не задается вопросом справедливости войны, не выражает своих пристрастий какой-либо из противоборствующих сторон. За 25 лет своих скитаний, он успел повоевать как на стороне Католической Лиги, так и на стороне сил протестантов. В тексте рукописи мы не можем найти примеров выражения ненависти к противнику.

Во-вторых, Хагендорф не выражает сожаления по поводу убийства и разграбления гражданского населения. Автор лишь раз выражает сожаление по поводу сожжения Магдебурга, объясняя это тем, что город был весьма красив, а также является его родиной [2]. Хагендорф описывает свое личное участие в грабеже, старательно перечисляя свою добычу. Из чего можно сделать вывод, что грабеж в принципе не является для него чем-то постыдным.

В-третьих, описывая свою жизнь в военные годы, постоянно упоминая о гибели членов своей семьи, рассказывая о голоде, тяжелых погодных условиях, Хагендорф тем не менее, старается сохранить веселый тон повествования. Он часто шутит, проводит параллели с библейскими событиями, а иногда может рассказать и мистическую историю. Из этого мы видим, что ужасы войны не сделали его замкнутым или ожесточенным человеком. Можно предполагать, что Хагендорф сумел сохранить оптимистический характер.

Описание батальных сцен практически отсутствует, но немало внимания Хагендорф уделяет рассказам о постоях, распитии хорошего вина и пива. Можно предположить, что представление о военном ремесле у автора рукописи значительно отличалось от современного восприятия. Он не рассказывает о тренировках, стратегиях, противнике, ходе

кампаний. Все его повествование о войне проникнуто прагматизмом: его главная цель выжить. Поэтому в своем рассказе значительно больше внимания он уделяет спасению от голода, жажды и болезней.

Но как война отразилась на психике человека Раннего Нового времени? В тексте рукописи мы можем найти лишь вероятные основания для предположения о появлении у Хагендорфа к окончанию войны посттравматического синдрома. Об этом свидетельствуют факты, указывающие на общее тяжелое психическое и физическое тяжелое состояние Петера Хагендорфа в послевоенные годы.

Из всего этого можно составить образ солдата-наемника, который Хагендорф пожелал оставить потомкам. Перед нами предстает человек из крестьянской среды, умеющий читать и писать, солдат, больше занятый стратегией собственного выживания, чем военной тактикой. Через эту репрезентацию, можно вывести и основные представления о войне, которое автор оставил на страницах своего повествования. Война для нашего героя предстает как закономерное продолжение его обыденной жизни. В ней есть место не только убийствам, голоду и болезням, но и семье, труду и простым жизненным радостям. Итак, Тридцатилетняя война для солдата-наемника не является поражающим воображение и парализующим волю, выходящим за рамки нормальности событием. Она продолжение борьбы за существование, борьбы, начавшейся с самого их рождения. В большей степени, чем схватками и сражениями, она наполнена бытовой обыденностью.

Анализ мемуаров Хагендорфа позволяет глубже проникнуть в природу катастрофы, постигшей Европу в первой половине 17 века, и помогает понять представление о справедливости и морали, которым обладал солдаты-наемники. Но чтобы совершить это путешествие требуется осознать существенное отличие восприятия войны крестьянином 17 столетия от восприятия современного читателя. Ключом к пониманию этого отличия является предположение о сильнейшей взаимосвязанности войны и жизни, как бы противоречиво это не звучало.

Источники и литература

- 1) G.Parker. The Thirty Years' War. Second edition. The Taylor & Francis e-Library. 2006.
- 2) J.Peters (Hrsg.). Peter Hagendorf – Tagebuch eines Söldners aus dem Dreißigjährigen Krieg. V&R unipress in Göttingem, 2012.
- 3) M.Müller. Das Leben eines Söldners im Dreißigjährigen Krieg (1618-1648). Magisterarbeit. der Freien Universität Berlin.2005